

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/28/4

СКОРОСТЬ В АНТРОПОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ*

Андрей Владимирович Головнёв

Аннотация. Скорость обладает свойством преобразовывать явления и создавать новые. Под воздействием скорости, вернее набора разных скоростей, преобразуются вещи, сообщества, пространство, время, а также их функции и взаимосвязи. Это положение иллюстрируется в статье сюжетами глубокой древности (становлением явлений мобильности, глобализации культа скорости), которые повторяются в последующие эпохи, создавая впечатление новшеств. Скорость, вернее набор скоростей, определяет этническое своеобразие разных сообществ, что видно на примерах кочевников степей и тундр. Главные координаты скорости, пространство и время, не всегда соответствовали их характеристике в классической физике: объективность, независимость друг от друга и от наблюдателя. В ментальности кочевников (и, вероятно, древнего *homo mobilis*) обнаруживается модель слитного и субъективного времени-пространства. На соотносимых принципах основана общая теория относительности. Новейшей инкарнацией слитного *времяпространства* стал кибермир. Существенную роль в возрождении древней матрицы сыграл кинематограф, выработавший технологии сжатия времени и пространства – экранное время отличается от реального тем, что позволяет втиснуть в минуту годы и столетия и то же самое сделать с пространством. В виртуальности иная, чем в реальности, скорость сообщений, реакций, решений, действий. Киберскорость позволяет сжимать до мгновений гигантские пространства и массивы времени, при этом скорость ускользает за пределы человеческих ощущений и контроля. Мы ощущаем ее только по натяжению «силовых линий» и температуре «точек нагрева» Сети.

Ключевые слова: скорость, антропология движения, мобильность, *homo mobilis*, кочевники, кибер-мир

Скорость в антропологии движения

Относительность – ключевая характеристика скорости. Она служит мерой движения, соотносимой с понятиями «быстрота», «гонка», «спешка», «темп», «ритм». Понятие скорости применимо ко всему многообразию человеческой жизни – от ритма танца до манеры речи, от миграции до эволюции. Для одних это показатель пространственного перемещения, для других – технического прогресса, для третьих – течения событий. При кажущейся тривиальности скорость – понятие глубоко экзистенциальное, связывающее феномен всеобщего движения (жизни) с субстанцией абсолютного покоя (смерти); социальные стандарты движе-

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 18-78-10077 «Виртуальная этничность и киберэтнография: новация на фоне традиции» (рук. С.Ю. Белоруссова).

ния и покоя не перекрывают сугубо личного восприятия и переживания скорости, в чем состоит еще одна грань ее относительности.

Скорость обладает волшебством превращения. В этом состоит сила и таится угроза. Без этого свойства она осталась бы рутинным мерилем, вроде массы или размера. Скорость преобразует вещи, явления, людей, сообщества, пространство, время; или если не сами вещи, то их динамичные связи и роли. Скорость как преобразователь движения не только оживляет сцены, но и связывает их в сценарии.

Как мера движения скорость пригодна для характеристики действий (функций, орбит, траекторий) людей, вещей, идей в безбрежном диапазоне. Чтобы как-то расчертить этот океан явлений, удобно задать ряд *ad hoc* ракурсов, например историографический, исторический, этнографический и технологический, не забывая об их условности и необходимости удаления из сознания сразу после использования. Иными словами, структурирование в этой статье применяется не для того, чтобы заковать живые явления в научные категории, а для удобства наблюдения и называния. Эссе задумано не как строгий синтез, а как свободный наигрыш разных тем, изменчивых, как все, что связано с движением.

Дромология Поля Вирильо

Французский архитектор и философ Поль Вирильо (1932–2018) – первый теоретик социальной скорости – назвал свою науку (логику) дромологией (от гр. δρόμος – «гонка», «гоночный трек»). В книге «Скорость и политика», вышедшей в 1977 г. и переизданной в 1986 и 2006 гг., он представил толкование истории и политики в проекции скорости, которая выступает главным фактором и мерилем прогресса, а ведущие фигуранты описываемых событий называются дромоманьяками. В этом свете английская промышленная революция предстает «дромократической революцией», а демократия – «дромократией». По Вирильо, «статика есть смерть», а сила жизни концентрируется «в местах интенсивной циркуляции» (Virilio 2006: 69, 89).

В исследовании движения и скорости Вирильо исходит не из физики, а из геополитики, аура которой видна в ссылках на Х.Дж. Макиндера и размышлениях о связи понятия скорости с «морской силой», включая метафору: идея скорости «вышла из моря, подобно Венере». Сюжет происхождения «дромократической идеи» от мореплавания содержит фазу, когда «право на море» обернулось «правом на преступление» и на месте «открытого моря» образовалась «морская империя». Затем идея преломляется в новом виде движения, настроенном на перемещение в пространстве и времени «без конечных пунктов назначения». Иллюстрацией такого движения служит стратегическая атомная субмарина, которая не следует из пункта в пункт, а осуществляет кон-

троль моря, оставаясь невидимой. Ей свойствен «абсолютный, непрерывный, циркулярный вояж без точек отправления и прибытия», напоминающий «петлю не-возвращения». Стратегическую ценность, взамен географической локализации, приобретает делокализованное перманентное движение – воздушное, наземное, подземное, подводное, – характеризующееся скоростью движущегося тела и неопределенностью его пути (Virilio 2006: 64–68, 151).

Море породило особое отношение не только к пространству, но и ко времени, поскольку именно в море явственно различимы космические механизмы. Англичане долго оставались лучшими часовщиками в мире, ибо «господство над морем требовало господства над временем» и требовало умения, так сказать, «стрелять по Луне» (Virilio 2006: 68).

Власть над временем предполагала скорость получения информации. В XV в. именно быстрота доставки новостей посредством голубиной почты дала Жаку Керу шанс разбогатеть на фондовой бирже, в том числе за счет морской торговли (Virilio 2006: 106). В этом отношении Вирильо вторит размышлениям Фернана Броделя о росте богатства за счет скорости получения информации, как это удавалось евреям с их умением «торговать деньгами» – самым быстрым из товаров – в XVII–XVIII вв. на биржах Амстердама и Лондона. Так, гаагский еврей Жуасо однажды поделился с французским послом рецептом заработка ста тысяч экю в день: для этого нужно было получить известие о кончине бездетного испанского короля Карла II на 5–6 часов раньше остальных игроков на бирже Амстердама. Подобной тактики придерживался разбогатевший на Лондонской бирже еврей Медина, нашедший общий язык с предприимчивым герцогом Мальборо, которому платил 6 тыс. фунтов стерлингов в год за право первым узнать исход очередной битвы за испанское наследство (при Бленхейме – 1704 г., Рамии – 1706 г., Ауденарде – 1708 г.); сходным образом «известие о Ватерлоо послужило к выгоде Ротшильдов» (Бродель 1988: 35, 90, 94, 571).

Война, богатство, экономика тесно сплетены друг с другом и с идеей скорости – «войной Времени». Будучи страной флота, Англия концентрирует свои усилия на технических инновациях в транспорте, в частности на скоростных двигателях. Следствием этого было не только экономическое, но и идеологическое первенство: став великой индустриальной нацией, моделью для подражания, Англия приобрела «чувство технического превосходства, смешанное с чувством общего превосходства» (Virilio 2006: 69).

«Скорость – надежда Запада», – обобщает Вирильо. Доминирование западного человека на планете было достигнуто, несмотря на низкую демографию, именно за счет скорости. Его успехи в «колониальном геноциде и этноциде» определялись сверхбыстротой (*super-quick, sur vif*). Французское слово *vif* (оживленный) не случайно сочетает в себе

по меньшей мере три значения: «быстрота», «живость», «сила». С развитием дромократии человечество разделилось на две категории: «люди надежды» (от тезиса «Скорость – надежда Запада»), наделенные способностью реализовать свои проекты и решения за счет аккумуляции скорости, и «люди отчаяния», блокированные низким уровнем их транспортных технологий и запертых в ограниченной нише (Virilio 2006: 70, 78).

Скорость – двигатель революции, и в то же время революция – генератор скорости. События 1789 г. во Франции были восстанием против «принуждения к имобильности» – создаваемой феодальной зависимостью «обязанности жить на одном месте». Правда, завоеванная «свобода приходить и уходить» вскоре переросла в обязанность, а затем и в диктатуру движения: «Массовое восстание 1793 г. впервые установило диктатуру движения, незаметно заместившую свободу движения первых дней революции». Этому предшествовали хождения санкюлотов – дромоманьяков, “разносчиков террора”, вышедших на парижские тротуары. Эта «новая армия, массовая армия» сокрушала противников «своим постоянным наступлением под мелодию Марсельезы». Кстати, эта песня, ставшая национальным гимном, по сути представляет собой дорожную песню, механику марша. По воспоминаниям очевидца, жители Франции никогда прежде не пели так много, а ныне «песни стали мощным революционным средством, “Марсельеза” электролизовала народные массы... Революционная песня есть кинетическая энергия, бросающая массы в битву» (Virilio 2006: 45–53).

Помимо песен, были и другие средства «вульгарной стимуляции» толпы (армии) дромоманьяков (рабочих), доверявших революционным вождям, по выражению Сен-Жюста, «вести их в атаку, как стаю псов». Пролетаризация по происхождению связана с миграцией, и революционный контингент достигает своей идеальной формы не на производстве, а на улице, где перестает служить винтиком технической машины и становится мотором (машиной атаки) революции – другими словами, «производителем скорости». На улице генерируется «кинетическая энергия революционных масс», а в целом «революция есть движение», причем ускоряющееся (Virilio 2006: 29–32, 43, 48).

По наблюдениям Вирильо, во всех тоталитарных движениях повторяется сценарий первоначального заполнения улиц революционными массами, только в XVIII в. их можно было различить по длинным брюкам *sans-culottes*, а в XX в. – по коричневым рубашкам *Sturmabteilung*. О значении улицы в революции со знанием дела говорил в 1931 г. Йозеф Геббельс: «Кто сумеет покорить улицу, тот покорит и государство!» Толпы дромоманьяков-коричневорубашечников «захватывают Германию, город за городом, точнее, улицу за улицей, а затем и шоссе за шоссе, ведущие к соседним странам»; и эти «приведенные в движе-

ние» германские массы уже невозможно остановить. «Фашизм тоталитарен поскольку дромократичен», – заключает Вирильо (Virilio 2006: 45, 48, 133).

Очевидец тех же событий Карл Юнг различил в движении нацистов германский коллективно-бессознательный архетип Вотана: «Мы увидели его возрождение в обличье германского молодежного движения, когда в его честь была пролита кровь нескольких жертвенных агнцев. Верных адептов блуждающего бога, белокурых юношей, а иногда и девушек с ранцами за плечами и лютьями можно было встретить на всех дорогах от Нордкапа до Сицилии. Уже позже, в последние годы Веймарской Республики, в странников превратились тысячи безработных, бесцельно бредущих от города к городу и от села к селу. К 1933 г. странствия прекратились, и перед нами возникли сотни марширующих стройными рядами. Гитлеровское движение захватило буквально всю Германию – от пятилетних детей до стариков – и породило образ нации, которая пришла в движение. Бог Вotan начал свои странствия» (Юнг 2004: 362).

Вирильо видит в этом движении-брожении универсальный феномен, выходящий за рамки этнических архетипов и стереотипов. Комментируя высказывание лидера португальской «революции гвоздик» генерала Кошты Гомиша «революция движется быстрее людей», он заключает, что «западные так называемые революции делались не людьми, а военными институтами» (Virilio 2006: 136).

Революция, война, экономика, богатство – все эти явления проецируемы через движение и скорость. Вирильо смело обобщает: «На самом деле история развивается со скоростью систем вооружения». «Скорость – суть войны», цитирует он мудрость Сун Цу, дополняя ее определениями Наполеона: «Способность к войне есть способность к движению»; а «сила армии измеряется, как в механике, ее массой, умноженной на скорость». Именно скорость поддерживает мораль в армии, «делает войну приемлемой», а преграды преодолимыми, в том числе посредством технологичного транспорта (Virilio 2006: 47, 78, 90, 149).

Гонка вооружений – на самом деле «вооружение гонки». При этом если раньше ядерный взрыв подразумевал «войну в пространстве», то сейчас – «войну во времени». Карибский кризис 1962 г. стал моментом истины относительно скорости. Прежде две сверхдержавы располагали примерно равным пятнадцатиминутным ресурсом реагирования на ракетный удар (после оповещения систем предупреждения). Установка советских ракет на Кубе грозила сокращением этого ресурса для Америки до 30 секунд. Для разрешения кризиса была проложена «горячая линия» между главами сверхдержав, сократившая переговоры до мгновенных реакций (Virilio 2006: 152, 155).

У оружия есть свойство «насилия скоростью», без которого оно было бы не столь устрашающим. Сущность стратегии предупреждения,

опережения и отражения ракетно-ядерного удара состоит ныне в скорости и исчисляется в долях секунды. Сегодня мы столкнулись лицом к лицу с фактом: «Скорость есть война, последняя война», – полагает Вирильо. Она истощает естественные ресурсы, флору и фауну, натуральную экономику; «дромократический интеллект осуществляет перманентный натиск на мир, и через него на природу человека» (Virilio 2006: 86, 153, 155). Дромология Вирильо, включавшая размышления о факторах геополитики, войны, революции, экономики и, в конечном счете, истории, стала не только импульсом мобильного поворота в науках, но и тревожным предупреждением о неосознанном пока потенциале скорости.

Батискаф истории

Прошлое удобно для исследования, поскольку существует в остановленном историческом времени. Погружение на любую глубину этого времени не означает включенности в реальную атмосферу исторической эпохи, остающейся будто за иллюминатором батискафа, в котором совершается погружение. Сходный эффект отстраненности от реальности достигается при подъеме в стратосферу будущего, откуда, будто из гондолы стратостата (Огюст Пиккар изобрел оба аппарата в 1930–1940-е гг. один за другим, в развитие одной и той же идеи), мир выглядит нарисованным. Даже если в глубинах истории и праистории видны следы тектонических подвижек, вроде великих миграций или завоеваний, через иллюминатор они кажутся не происходящими и не происходившими, а происшедшими – не столько событиями, сколько их запечатленными образами. Впрочем, время от времени они будто оживают, повторяясь в другие эпохи и воспроизводясь в современности. Это значит, старая матрица наполняется свежей кровью, хотя многим кажется, что в мире происходит нечто новое. Речь идет по меньшей мере о трех явлениях глубокой древности, которые нашими современниками воспринимаются как символы модерна или постмодерна: это мобильность, глобализация и культ скорости.

Найгель Трифт считал мобильность «структурой чувств, появившейся в эпоху модерна и обновившейся накануне XXI в.» вследствие развития технологий и «машинных комплексов» от дилижанса до интернета (Thrift 1994: 212). Выразителей этого современного качества называют «новым мобилитетом» (Makimoto, Manners 1997). Между тем человек мобилен давно – с момента своего происхождения: судя по костям стопы обнаруженного в Олдувайском ущелье прачеловека, он больше бегал, чем ходил (Кларк 1977: 51). Бег, никогда не фигурировавший в списке факторов эволюции, заслуживает повышенного внимания, поскольку «выносливость на длинных дистанциях», фиксируе-

мая по костным останкам рода *homo* на протяжении двух миллионов лет, могла играть решающую роль не только в эволюции человеческого тела (Bramble, Lieberman 2004), но и в покорении планеты. Именно *homo mobilis* (человек движущийся) не только произошел, но и прошел (или пробежал) всю планету, создав ойкумену. Осело человечество много позже, с появлением в неолите городов, государств и крепостных стен.

Жители Восточно-Африканского рифта, откуда стартовала *homo*-колонизация Земли, до сих пор остаются лучшими в мире стайерами – спортсмены из Кении и Эфиопии прочно удерживают мировое лидерство в беге на длинные дистанции. К югу от них живут бушмены, которые обладали способностью бегом загнать антилопу до изнеможения. Создается впечатление, что с праисторических времен африканский очаг скорости остался на месте, а расселившееся по планете человечество сбавило темп бега, подыскав ему технические альтернативы (от метательных снарядов до транспортных средств). Африканский опыт показывает, что длинные ноги и выносливость играют важную роль в мобильном контроле над пространством. Впрочем, длина ног, доньяне культивируемая в эстетике, – лишь частность в стратегии мобильности. Гепард быстрее человека, но не он покори планету. Это удалось человеку за счет особого рода скорости – гибкого чередования адаптивных схем и сценариев контроля над временем-пространством. Таким образом, скоростной ресурс прачеловека дал ему качество *mobilis*, имевшее далеко идущие (бегущие) последствия. Это первое «превращение», ставшее опорным для множества последующих преобразований.

Здесь я прошу читателя притормозить. Обычно мои слушатели охотно воспринимают информацию о подвижности наших прапредков в сравнении с сегодняшней сидячестью (днем) и лежачестью (ночью), но на предложение сменить точку мировосприятия с оседлости на мобильность отвечают недоумением. Это значит, что мы не прочь полюбоваться динамикой со стороны, будто глядя с дивана на экран, или вглубь веков из исторического батискафа, но не готовы выйти в открытую стихию. Однако именно в этот момент следует произвести ментальное насилие и повернуть в мозгу маховик мобильности, представив, что именно в пространстве движения, а не в пещерном уюте, рождалась и развивалась человеческая культура и технология.

В отличие от нас, пользователей исторического батискафа, праисторический *homo mobilis* вышел в открытое пространство планеты и покорил его. Уже в палеолите Земля стала планетой людей и тем самым случилась глобализация человека, или очеловечивание планеты. Распространение биологических видов на обширных пространствах обычно завершается локальным видообразованием. Расселение людей по планете, напротив, привело к глобальному видовому единству, основанному как на физиологической интерфертильности, так и на соци-

альной интеркультурности – способности к диалогу и взаимной адаптации. Очевидно, человек выделяется в природном окружении системой коммуникации, включающей технологии общения (в том числе слово и изображение), сложную социальность (родство, свойство, иерархичность), особые профили деятельности (дипломатия, политика, торговля), а также гиперсексуальность. Последнее (по порядку, но не по значению) свойство сыграло особую роль, поскольку благоприобретенная человеком свобода от природных репродуктивных циклов была фундаментальным завоеванием в видовой *homo*-революции и возникновении сверхприродных потребностей прачеловека. Гиперсексуальность была и остается одним из базовых мотивов и моторов отладки механизмов коммуникации, включая целый реестр скоростей: частоту физиологических контактов, перманентную конкуренцию, повышенную плодовитость, пространственную мобильность, развитие ментальных алгоритмов и социальных технологий регулирования секса и родства посредством ритуалов и институтов вроде экзогамии, эндогамии, многообразных форм брака, этических и религиозных регламентаций.

Скорость и прочность человеческой коммуникации в палеолите перекрыла природно-географическую дискретность планеты. Этот фундаментальный факт антропологии плохо сочетается с популярной картиной примитивной древности, сводимой к простейшему промысловому быту и кормовому поведению. В действительности древняя культура контроля над пространствами поражает своей масштабностью и эффективностью. Развитие культурных магистралей, связывающих различные локальные очаги на больших пространствах, было основным достижением и двигателем «верхнепалеолитической революции». Следовательно, очагом сапиентации была не отдельная пещера, а магистраль коммуникации, соединяющая Африку, Европу и Азию.

На окраинах среднепалеолитической ойкумены расходились и сходились пути различных *sapiens* – собственно *sapiens*, а также *neanderthalensis*, *africaniensis*, *altaiensis*, *orientalensis*, *floresiensis* (Деревянко, Шуньков 2012: 209, 210, рис. 5). Около 50–40 тыс. л. н. конкуренция между европейцами-*neanderthalensis* и африканцами-*sapiens* в очередной раз завершилась в пользу последних. Вероятно, длинноногие южане одолели коротконогих северян не столько физической силой, сколько технологиями движения, коммуникации и симбиоза. Последовавший затем «закат неандертальской Европы» был лишь следствием утраты контроля над ближневосточным перекрестком – неандертальцы уступили не в Европе, где они обладали преимуществом северной адаптации, а в Леванте. Что касается южан-*sapiens*, то захват древней миграционной магистрали обеспечил им успех в колонизации остальной ойкумены и ее существенном расширении. Вероятно, ключом к успеху верхнепалеолитических строителей нового *sapiens*-простран-

ства была «многоскоростная коробка передач» (войны-и-мира, адаптации-и-реакции, симбиоза-сукцессий и др.).

Следовательно, обширный диапазон скоростей способствовал превращению планеты в ойкумену человека. *Sapiens* овладел Землей посредством коммуникации, обеспечивавшей, с одной стороны, единство биологического вида, с другой – многообразие культур и их взаимосвязей. Для реконструкции этой коммуникации необходима новая археология – археология больших пространств и скоростей, фокусирующаяся не на точечных памятниках и локальных культурах, а на магистралях межкультурного взаимодействия, механизмах симбиоза и сукцессий. Это глобальная археология, нужная для детального подтверждения мегафакта: глобализация человечества началась не вчера, а с палеолита, и обеспечила ее скорость движения и общения.

Последний элемент рассматриваемой триады – культ скорости – тоже нередко причисляется к свежим новациям. Альдус Хаксли назвал скорость «единственным новым удовольствием, изобретенным модерном». Развивая эту идею, Энда Даффи уточняет: ряд изобретений конца XIX и начала XX в., в том числе (и прежде всего) автомобиль, «дал массам людей... совершенно новое переживание движения на высоких скоростях и ощущение управления этим движением» (Duffy 2009: 3–4). Из ощущения родилась «эстетика адреналина: скорость как культура», изменившая восприятие пространства, расстояния, шанса, насилия. Скоро в обществе на фоне страсти к скорости зародилось отвращение ко всему медленному. Культура скорости распространилась в публичных сферах: рекламе, журналистике, поп-культуре, философии. Скорость стала удовольствием и товаром, предлагавшимся гражданам в зависимости от кошелька и пола. «Опыт скорости» приобрел и политический оттенок, будучи применен правительствами во внешней политике, социальном контроле и внутренней колонизации (усилении секьюрити).

«Сенсация скорости» в интерпретации Даффи впечатляет как иллюстрация мысли о преобразующем «волшебстве» скорости. Однако насколько уникальна эта «сенсация скорости»? Если батискаф истории поднять из толщ палеолита на горизонт палеометалла, то откроется вид на обуздывающего коня степного воина эпохи бронзы. Нам из-за стекла недоступны его переживания и ожидания (он, в отличие от нас, еще не знал наверняка, что дикий табун может стать конницей), но в какой-то мере мы можем сопережить его чувства, вспомнив собственные первые ощущения от посадки на круп лошади. Каждому, когда-либо сядившемуся на коня, знакомо возбуждение от сверхъестественной мощи – «лошадиной силы», несущей всадника и создающей иллюзию сокращающегося и подчиняемого пространства (если у читателя нет опыта езды на коне или слоне, можно вызвать в памяти первые ощущения управления автомобилем или велосипедом). Впервые оседлавший коня

испытывает, вслед за ужасом, чувство превосходства и готовности «покорить весь мир». Неслучайно именно «конные» люди создавали первые империи, контуры которых читаются в археологии степей Евразии энеолита и бронзы (до сих пор всадник – символ победителя и правителя). Допускаю, что и в эпоху палеометалла «сенсация» конной скорости произвела не менее мощный психологический и политический эффект, чем эффект автомобиля в эпоху модерна.

Теоретик мобильности и автомобильности Дж. Урри по-своему эффективно интерпретировал связь скорости с модерном. Размышляя о влиянии мобильности на восприятие времени, случившееся в Англии с развитием железных дорог, он отмечает, что проживаемое время было вытеснено механическим «часовым временем», в основе которого лежит расписание. «Часовое время» появилось в Англии с железными дорогами и расписанием поездов (Урри 2012: 213). Именно оно

«...положило начало мечте о скорости, как в смысле быстроты путешествия, так и в более широком, быстроты всего общества. До появления железных дорог и произведенной ими механизации движения скорость не слишком обращала на себя внимание. По этому критерию странствие пешком и верхом не очень отличались друг от друга... В результате механизации движения через железные дороги стала цениться скорость в целом, а особую ценность приписывали самым быстрым поездам, по сравнению с самыми медленными... ценятся те технологии, которые увеличивают скорость; считается, что ускорение трафика способствует росту экономической конкурентоспособности и что высокая скорость и новейшие технологии воплощают высокий статус» (Урри 2012: 214).

Однако «мечту о скорости» легко обнаружить задолго до появления железных дорог и часового времени в Англии, вспомнив гомеровского Ахиллеса, финикийских флотоводцев, арабских воинов, еврейских торговцев. Урри был в ладах с автомобилями и поездами, но не с лошадьми и верблюдами: многие отмеченные им эффекты не порождены модерном, а уходят в глубины древности. Пожалуй, в этом отношении более глубоко наблюдения знатока аравийских кочевников Томаса Лоуренса, называвшего скорость «второй естественной страстью человека».

Этнографическая коробка передач

«Грандиозным и безнадежным мероприятием» назвал Пьер Бурдьё попытку записи «элементарных единиц» поведения человека. Выяснилось, например, что женщина на кухне за 20 минут делает 480 микро-движений, а за день человек совершает около 20 тысяч элементарных действий (Бурдьё 2001: 120). Вряд ли эти расчеты можно принимать «в среднем» (оставляя без комментариев условность выделения «элемен-

тарных единиц»), поскольку не каждая женщина не в каждые 20 минут совершает столько же действий на своей кухне. Следует также учесть этнические, возрастные, статусные, религиозные, сезонные и другие различия в поведении женщин на кухне, а также разнообразие самих кухонь. Описывая кабилов Алжира по собственным наблюдениям, Бурдые предпочитает качественные характеристики: «Оппозиции можно найти в манере есть и прежде всего в манере открывать рот: мужчина должен есть всем ртом, смело, а не как женщина – краями губ, вполовину рта, осторожно, сдержанно, а кроме того, скрытно, притворно; то же в отношении ритма: достойный человек не должен есть ни слишком быстро (ненасытно, жадно), ни слишком медленно» (Бурдые 2001: 136).

Во всех случаях значима не абсолютная величина скорости, а система переключения скоростей через своего рода «коробку передач», регулирующую разные по назначению, контексту и интенсивности действия (изменение скорости движения челюстей у кабилов может произвести противоположные социальные эффекты). Поведение человека в ауре его культуры больше напоминает не спорт, прямо настроенный на скорость, а музыку с вариациями темпа и ритма. Этот диапазон безбрежно расширяется этнографическими вариациями трудно сопоставимых скоростей, например, кавказского танца и тибетской медитации. Как заметил Беверли Скегс, «подвижность и неподвижность различаются в зависимости от национальных пространств и исторических периодов» (Skeggs, 2004: 48).

Убежденность европейцев в скорости как собственном конкурентном преимуществе (по Вирильо, «надежде») – подогревающая самооценку иллюзия. Восток дает исторические примеры кочевых империй, которые в потенциале скоростей наголову превосходили современных им европейцев, оказывавшихся периферией и «кормовой территорией» кочевников. Именно восточным кочевникам адресовали Делез и Гваттари наблюдение: «Если номады формировали машину войны, то делали это через изобретение абсолютной скорости, становясь сами “синонимом” скорости» (Deleuze, Guattari 1987: 386). Включение высоких скоростей порождало вихри завоеваний на пространствах будто бы «статичного» Востока. Классический вариант этой статики – Китай – способен к стремительным тотальным реакциям, и трудно предположить, на что еще способны якобы «застывшие» азиатские сообщества при переключении скоростей.

Скорость конницы, преследования, облавы, стрельбы лучников – начало перечня качеств, позволивших пастухам-монголам за пару десятилетий создать мировую империю. Темучжин уступал многим своим соперникам в знатности, силе и отваге, но превосходил их в искусстве мгновенной реакции и опережающего маневра. С детства он боялся собак и всю жизнь отличался повышенной, почти патологической, бди-

тельностью. После тайчиутского плена в юные годы он ни разу не попадал в расставленные ловушки. Осторожность Чингис-хана, внешне напоминавшая трусость, была эффективна в условиях степных конфликтов, когда нападавший мог вмиг превратиться в добычу – маневр заманивания отступлением с последующей облавой стал визитной карточкой монголов. Для воина предчувствовать западню не менее важно, чем смело атаковать, и обратной стороной искусства облавы было умение ее избегать. Все ханы бегали от своих недругов (это было маневром, а не трусостью), но Темучжин делал это лучше других. Совершая стремительные и дальние перекочевки, невзирая на ночь и усталость, он превосходил ожидания соперника. Он был виртуозом предупредительных маневров, исчезал, как невидимка, и появлялся, как дух из дымника.

Монгольское «Сокровенное сказание» содержит немало прямых и косвенных характеристик скорости действий, в том числе размышление одного из нукеров Чингис-хана Додай-черби о боеспособности конницы накануне похода на найманов в начале лета 1204 г. (Мыши): «Наших-то мало. А сверх того, что мало, уже изрядно утомились [после загонных охот]. Давайте же широко развернемся и постоим в этой степи Саари-кеере, пока не войдут в тело кони... А как откормим коней, то сразу же обратим в бегство их караул, разобьем его, прижмем к главному среднему полку и в этой-то суматохе ударим на них» (Сокровенное сказание 1941: 144). Пауза для откорма коней показывает, что монгольская тактика состояла отнюдь не в спешке, а в точном выборе момента для молниеносной атаки, сокрушительная сила которой определялась скоростью конницы.

Монгольский дух скорости метафорично выражен в знаменитой характеристике Чжамухой четырех полководцев Чингис-хана (Чжебе, Хубилай, Чжелме и Субетай); в ответ на вопрос Таян-хана: «Что это за люди? Они подгоняют так, как волк подгоняет к овчарне многочисленное стадо овец. Что это за люди, которые так подгоняют?» – он ответил: «Мой анда Темучжин собирался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их на железную цепь. Должно быть, это они и подлетают, гоня перед собой наш караул. У этих четырех псов лбы – бронзовые, морды – как долото, языки – как шила, сердца – железные, а плети – мечи. Питаются росой, а ездят верхом на ветрах. Во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечиною. Это они сорвались с цепей и ныне, ничем не сдерживаемые, ликут и подбегают, брызжа слюной. Это они!» (Сокровенное сказание 1941: 147).

Монгольские скорости поражали воображение современников. Китаец Чжао Хун отмечал: «Татары рождаются и вырастают в седле... Всякий раз, когда татары выступают в поход, каждый человек имеет несколько

лошадей. Он едет на них поочередно, сменяя их каждый день. Поэтому лошади не изнуряются» (Кычанов 2004: 293–294). Марко Поло отмечал, что во время быстрых походных маршей всадники, случается, скачут «десять дней без пищи, не разводя огня, и питаются кровью своих коней: проткнет жилу коня, да и пьет кровь» (Книга Марко Поло 1956: 91). Быстрее монголов по степям Евразии несли только страх перед их нашествием, и в нагнетании этого всепобеждающего страха монголам тоже не было равных: их стремительные неожиданные набеги (со столь же неожиданными уходами) имели целью и следствием не только полон и добычу, но и истерию страха.

Парадокс лавинообразного роста монгольской орды состоял в том, что мотивационно он исходил из заботы хана о собственной безопасности, но при этом служил эффективным средством завоеваний. Особое значение в организации монголов и их победах имел механизм, который в теории управления называется прямой-и-обратной связью центральной системы. Ядром орды стала гвардия *кешик*, пронизавшая, будто нервная сеть, весь Великий улус и наладившая молниеносную связь орды с ханом. Поразительная согласованность действий монголов, иногда воспринимаемая как рабское подчинение хану, в действительности была системой сетевой кочевой коммуникации. Именно скорость маневров и коммуникации кочевников в сочетании с амбициями и фобиями хана сплотила орду и раздула ее до империи. Триумф Чингис-хана и его орды – во многом триумф скорости, «волшебство» которой на сей раз выразилось в явлении мировой кочевой империи. Когда скорости пошли на убыль и любитель хмельных напитков верховный хан Угэдэй осел в Каракоруме, великая империя развалилась на части.

Скорость коммуникации может произвести на свет не только империю, но и народ. Этническая история ненцев (самоедов) последних столетий свидетельствует, что становление крупностадного оленеводства («олeneводческая революция»), распространение единого языка на всю тундру от Колы до Таймыра и унификация ненецкой культуры были связаны с нарастанием скорости и диапазона кочевий, включая экспансию в соседние тундры и захват чужих стад оленей. Этот маховик кочевого движения был запущен во многом как сопротивление вольнолюбивых тундровиков российской колонизации и государственности. Поскольку власть в тундре существует только в движении, кочевник добывался ее наращиванием стада и динамики миграций.

Ненецкий культ скорости до сих пор ярко выражен как в гонках на оленьих упряжках, так и в фольклоре. Ненецкий эпос изобилует сценами кочевий, погонь, бесконечной езды. Некоторые сказания почти целиком состоят из кочевий или погони. Например, *хынабц* «Клюв Белого Орла» начинается с экспозиции идущих по холмам кочевых караванов, которых видит с высоты летучий сказитель Мынеко; затем на протяже-

нии всего сказания герои безостановочно бегут, спасаясь от владыки нижнего мира Нга под именем Сэр Лимпя Пыя (Клюв Белого орла):

«Я вижу, Сэр Лимпя Пыя будто сматывает веревку [догоняет беглецов], расстояние между нами уменьшается. Его дыхание достигает нас. Сэр Лимпя Пыя говорит: “Младший из Железных Узд, ты тоже бежишь. Что ж, бегите, только в земле дырки нет! [скрыться негде]”... Мы остановились, поджидая сестру Железных Узд. Расстояние уменьшилось до семи-по-деяти саженей. Младший из Железных Узд взял свою сестру на руки. Так бежим целую зиму... Сэр Лимпя Пыя настигает Младшего из Железных Узд, расстояние между ними уже шесть-по-девят саженей, пять-по-девят саженей... Младший из Железных Лыж берет на руки сестру Железных Узд и Младшего из Железных Узд и бежит дальше. Сидящие у него на руках блюют от усталости. Три года они бегут».

Натурализм описания усиливает и оживляет картину. Ненецкому слову (*лахнако*) свойственна необычная чуткость к движению и его оттенкам, оно само не сидит на месте, а непрерывно переходит от героя к герою, чем создает «крупные планы» происходящего и эффект живой прямой речи. Ненецкий язык богат средствами выражения движения (включая лексику, синтаксис, мелодику исполнения), перевод которых затруднен ввиду нехватки адекватного арсенала в русском языке. Ощущение учащенного дыхания и сердцебиения вызывают повторы слов на тему «бег», причем нередко в первом лице и настоящем времени. Вот, к примеру, эпизод из сказания «Сирота Пяся»:

«На четвертый день в полдень четверо бегущих пронесли мимо чума. Старший Пяся, пробегая, успел сказать Не-Лэхэчи: “Жена, запряги моего четырехроного [ездового оленя]. Я еще вернусь”. Побежали они дальше. Парико Тунго на сто саженей от них отстает. Он едет на трех хабтарках [нерожавших оленухах]. У его оленей языки до корней высунулись, болтаются [они измождены]. Одна нога Парико Тунго стоит на левом полозе, другая – у заднего копыла [поза гонщика]. Парико Тунго говорит: “Бегите, четверо Пяся, я еду за вами”. Сзади бежит еще один – трехглазый Тунго, он отстает еще на сто саженей. За ним бежит еще один – одноногий Тунго, он отстает еще на сто саженей. У него один глаз посреди лба и одна нога. Каждый прыжок его – девять саженей. За ним бегут тридцать Тунго. Все пробежали».

Состояние «бежать» в ненецком языке многообразно и детализовано: человек бежит – *сюрба*, долго бежит – *сюрмба*, неуклюже – *хутмэддэ*, что есть мочи – *пярна*, от кого-либо – *хунба*, долго от кого-либо – *хунмба*, спасаясь от преследования – *пи’имба*, олени рысью – *синдгэддэ*, рысцой – *танета*, скоком – *нявота*, взапуски – *нертюмба*, свободно – *ханерц*, скачками – *сорабтё*, в сторону – *варилибтеба*.

Однако не бегом единым жив человек и его олени. «Кто в тундре торопится, тот торопится погибнуть», – изрек однажды умудренный опытом ямальский оленевод Авво Вануйто. Темп выпаса стада и движения каравана настроен на поддержание и воспроизводство сил оленей и людей; скоростные рывки оправданы в состязаниях и войнах, а в повседневности важна размеренность действий, обеспечивающая непрерывность кочевий. «Быстрый» (*сата*) у ненцев – отнюдь не торопливый, а, скорее, точный в движениях. Так называют женщину, которая снимает чум после стоянки быстро, будто «просто мимо прошла». Так называют мужчину, который управляется с тысячным стадом и караваном легко, будто с одной упряжкой. Ненцы различают «ленивые караваны» (*мюськова*) и быстрые каслания (*сата мюсева*). В слове *сата* два значения: «быстрый» и «сильный». Как видно, у ненцев культ скорости включает целый спектр состояний от стремительной гонки до умеренного ритма, а их своевременная активация напоминает действие коробки передач (трансмиссии).

В отличие от ненцев, которые предпочитают езду на оленях, чукчи полагаются больше на свои ноги. Если чукчи и запрягают оленей, то лишь по паре и зимой; их нарты меньше и тоньше ненецких, зато их легко чинить и тащить вручную по камням. Чукотские предания учат: «У чаучу [оленевода] самое главное – ноги. Если чаучу бежит быстрее любого оленя, он оленей сбережет. Если чаучу бежит дольше любого оленя, то он оленей сбережет. Если чаучу бежит быстрее и дольше других людей, то ему не страшны враги, и он всегда разыщет пастбища, на которых его оленям никто не помешает» (Лебедев, Симченко 1983: 25). Более века назад В.Г. Богораз отмечал: «Чукчи отличаются не столько быстротою бега, сколько выносливостью, особенно оленные. Они могут бежать несколько миль по глубокому снегу, даже в тяжелой меховой одежде. Но и быстрота чукотского бега также заслуживает немало удивления. Можно встретить чукотских пастухов, которые в состоянии настичь самца оленя, бегущего вскачь... Молодые женщины и девушки у чукок устраивают свои женские состязания в беге и при этом проявляют страстность не меньшую, чем мужчины» (Богораз 1991: 198).

Преимущество в скорости предопределило успех чукчей в «столетней войне» (с середины XVII в. до середины XVIII в.) с регулярными войсками Российской империи. Чукчи захватывали оленей у союзников русских (юкагиров и коряков), тем самым лишая противника маневра и обеспечивая свое превосходство в движении по тундре. Скорость действий позволила им в 1730–1740-е гг. нанести серию поражений русским отрядам; чукчи не пугались «огненного боя» и успевали вступить в рукопашную, не давая перезарядить противнику ружья (Нефёдкин 2003). За время «столетней войны» они не только «нарастили» олени стада, но и сложились в «народное ополчение» – сражающийся народ. Вероятно,

обособление чукчей от близкородственных им коряков произошло в эти годы во многом согласно статусу непокорных и покоровившихся.

Традиционно бег – главное событие зимнего чукотского праздника *ульвэв* в полнолуние декабря–января: забег начинается утром, а заканчивается вечером; участники по солнцу оббегают гору, получая в награду шкуру моржа, нерпичий жир, оленя или нарту. Для чукчей успех в беге означает достижение превосходства (в фольклорном сюжете девушка покорно садится рядом с победителем).

Быстрый бег хорош в чередовании с быстрым сном. Способность чукчей мгновенно засыпать при первой возможности не имеет ничего общего с сонливостью. Чукчи так же легко и быстро просыпаются, как и засыпают. Они умеют «собирать» сон по кусочкам, запасаясь энергией и рационально ее расходуя. Пастухи, держащие стадо, не упускают возможности наскоро поспать; особенно это удобно в августе, когда дневное солнце дает шанс прилечь на теплую кочку. Зимой на морозе ритм учащается: пастух согревается, бегая за оленями, а, разогретый, падает на снег и спит, пока не замерзнет; затем, вскочив от холода, он снова гоняет оленей и согревается; и так весь день – то бежит, то спит. «Скорость чукотского сна» – специфический ресурс северного нómа-дизма, особенно важный в критических ситуациях.

Целый набор скоростей заложен в ритмах выпаса оленей, включая летний вольный отпуск, напряженный осенний сбор кусков стада, зимнее окарауливание. Иногда эти действия напоминают облаву (осень), иногда – имитацию оленьих ритмов (лето). Пастухи, описывая свои действия на летовке, замечают: «Наше дело – тихонько идти за оленями, они сами движутся в нужном направлении». Этот ритм не исключает аритмии и рывков. Для женщин усилием оказывается разделка туш оленей на морозе в течение целого дня или разбор-перевоз-сбор яранги при перекочевке. Для мужчин это загон и лов оленей, а также поиск и сбор стада. В этих ситуациях особенно важна роль лидера стойбища, который подгоняет других подобно тому, как каюр подгоняет бегущих в упряжке оленей (Головнёв 2018: 19–21). Именно трансмиссия разных скоростей обеспечивает устойчивость чукотского кочевания.

Кибер-скорость

«На слишком быстрых скоростях жизни человеку некогда быть человеком», – заметил Фазиль Искандер. «Скорость убивает!» – гласит лозунг кампании, поднявшейся после гибели в автокатастрофе принцессы Дианы (Duffy 2009: 3). Всеобщее ускорение вызвало у Алвина Тоффлера предчувствие «грядущего шока»: «Все прежние основания сотрясаются сейчас под ураганным напором ускорения»; «мы выводим новую расу нómадов, и лишь немногие подозревают, насколько велики, широки и значительны их миграции» (Toffler 1970: 35, 75).

Экзистенциально наращивание скорости мотивировано скоротечностью человеческой жизни. Словами Соичиро Хонда, «жизнь коротка, и скорость необходима, чтобы достичь желаемого в ограниченное время, которым мы располагаем». Казалось бы, скорость и вечность – антиподы, но тяга к вечности вызывает ускорение, и быстротечности противопоставляется быстроедействие. В сегодняшнем стремительном мире вечность и скорость сплетены, чему в немалой степени способствует освоение человеком божественного прежде эфира – киберпространства, где сиюминутность и вечность слиты. Кибермир – доступная человеку модель того самого субъективного слитного пространства-времени, которое заложено в него с глубокой древности, которое этнографически сохранено кочевниками и возрождено в метатеории относительности Минковского и Эйнштейна (Головнёв 2019).

В классической ньютоновской механике и метафизике пространство и время мыслятся абсолютными и объективными сущностями, независимыми друг от друга и от субъекта наблюдения. Первое отступление от этого канона приписывается Эдгару По, заявившему в космологическом очерке «Эврика» 1848 г. о «единстве пространства и длительности» (*space and duration are one*). Позднее Герман Минковский и его ученик Альберт Эйнштейн, обратившись к кинематике, обозначили феномен единого времени-пространства в рамках теории относительности. С тех пор релятивизм оперирует четырехмерной моделью пространственно-временного континуума, в которой три измерения пространства дополнены измерением времени.

Минковский и Эйнштейн открыли в физике то, что издавна присуще ментальности кочевника и раннего человека вообще. В этом смысле теория относительности – возвращение к истокам мироощущения, воскрешение исходной формулы нерасчлененного *времяпространства*. Следы давней традиции пространственного восприятия времени обнаруживаются в разных языках, в том числе в русских речевых оборотах вроде «время идет / течет / бежит / летит» (ср.: Hunt 2008). Простота и универсальность формулы времяпространства лишней раз подтверждается ее доминантой в сознании детей до тех пор, пока ее не замещает «правильная» дихотомия статичных объективных категорий. Можно полагать, что времяпространство – естественная и изначальная матрица мобильной ментальности.

Эту столь же древнюю, сколь и современную модель мобильной ментальности сохранили кочевники, среди которых особого внимания в силу естества и экологичности их культуры заслуживают оленеводы Арктики. Именно в Арктике до сих пор существуют жизнеспособные кочевые оленеводческие культуры, изучение которых проливает свет на феномен движения в истории человечества. В отличие от оседлой картины мира, где пространство и время раздельны, в ментальности кочевника они нерасчленимы. Для кочевника время движется (кочует)

по пространству: у каждого лунного месяца календаря есть свои пространственные отметки, и наоборот, пространство не существует вне хода времени. Если в оседлой ментальности пространство и время существуют объективно, образуя оси мироздания, в рамках которых помещаются человеческие судьбы, то кочевое времяпространство без человека не движется и не существует.

Новейшей инкарнацией слитного времяпространства стал кибермир. Его возрождение началось с Эйнштейна и продолжилось в кибернетике Норберта Винера. Значительную роль в этом реванше сыграл кинематограф, выработавший технологии сжатия времени и пространства – экранное время отличается от реального тем, что позволяет монтажом втиснуть в минуту годы и столетия и то же самое посредством зума сделать с пространством. Относительности этому добавляет режиссура, не только играющая через монтажные приемы и крупность планов с пространством и временем, но и претендующая на многократное пересотворение реальности. Кино, помимо зрелищности и развлекательности, пленило зрителя способностью затрагивать и выражать глубины человеческого естества, в том числе «первобытную» схему времяпространства. Магия кино сделала его «чудом века», и по скорости распространения оно не знало себе равных в мировой истории до появления интернета и мобильной связи.

Эпоха постмодерна с ее коммуникациями и перемещениями в масштабах и на скоростях, дотоле неизвестных, пережила, как выразился Дэвида Харви, «сжатие времени-пространства» (Harvey 1989). Вместо дома и других опор территориальности ключевую позицию занял аэропорт, еще недавно казавшийся перевалочным пунктом («отсутствием места»), а ныне ставший узлом динамики и мобильности (Cresswell 2006: 44). Мануэль Кастелс представил эту замену как сдвиг от «пространства мест» к «пространству потоков» (Castells 1996). К концу XX в. развитие скорости, света и энергии достигло точки, в которой произошло рождение киборга, меняющего саму природу нашего «промежуточного мира» (“in-between” world) (Thrift 1994: 212–213).

Виртуальность – не калька реальности. Это аура, пригодная для обитания дромоманьяков Вирильо и произрастания ризом Делеза и Гваттари. Это пространство столь же всеобщее, сколь и приватное. Здесь как будто вовсе нет пространства и времени, а есть только их аватары, созданные для комфорта таких же сконструированных аватаров-людей и аватаров-сообществ. Тут, как в Зазеркалье, время может течь вспять и вдруг исчезать или обернуться пространством. Здесь можно начать новую жизнь, не зачеркивая прежнюю, или создать свой виртуальный клон и засеивать его в вечности.

У истории в кибермире есть сослагательное наклонение. Информационная революция сорвала историю с книжной полки и унесла в киберокеан,

где мгновения похожи на вечность, а миражи – на реальность. Это уже не многотомное собрание последовательно изложенных фактов, а подвижная сеть действующих лиц и событий, ситуативно связываемых множеством мотивов, ассоциаций, сценариев. Вся история может отразиться в одном мгновении, как мир – в капле росы, и происходит это непрерывно (Головнёв 2012).

В виртуальности иная, чем в реальности, скорость сообщений, реакций, решений, действий. «Бизнес со скоростью мысли» – назвал свою книгу Билл Гейтс (Gates 2001). Здесь за мгновение может произойти то, что раньше требовало целой жизни, и в этом вновь выразился создаваемый скоростью «волшебный» эффект превращения. Хайпы, вирусные ролики, тематические группы стали пружинами новой механики популяризации, социальных лифтов, выражения мнений, идеологических протестов, организованных действий. Понятия «вовремя» и «уместно» перемещаются из реальной жизни в виртуальный эфир и приобретают новый вид репостов, комментов и лайков. Киберскорость позволяет сжимать до мгновений и микроразмеров гигантские пространства и массивы времени, при этом скорость ускользает за пределы человеческих ощущений и освобождается от человеческого контроля. Мы ощущаем ее только по натяжению «силовых линий» и температуре «точек нагрева» Сети.

Киберидея часто воспринимается как смертный приговор времени и пространству. Означает ли это смерть скорости? Или это перевоплощение скорости по ту сторону человечности? Достигнув нечеловеческих микро-макроразмеров, в ощущениях обывателя скорость просто обнуляется. Она преодолевает земное гуманитарное тяготение и выходит на околочеловеческую hi-tech орбиту.

Сейчас, в конце марта 2020 г., все человечество синхронно вздрагивает от новостей об атаках коронавируса. Меры обороны – карантин, антисептики, маски, запасы провизии – напоминают компьютерную игру (ни секунды не сомневаюсь, что прямо сейчас доделывается серия компьютерных игр типа KillCovid). Быстрее новостей о вирусе мчится только мировой страх. Со времен Чингис-хана природа страха не изменилась и по-прежнему позволяет ему опережать любые события и новости. Сегодня киберскорость создает эффект, который можно назвать пандемией страха, выражающийся, например, в истерии тотальной скупки туалетной бумаги на Западе и гречки в России. Понятие относительности в мире людей, вернее кибермире киберлюдей, существенно расширяется. В обозначившемся противоборстве кибертоталитаризма и киберрелятивизма решающее слово остается за стратегией скорости.

Литература

Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М.: Прогресс, 1988.

- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- Головнёв А.В. История on-line // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 129–139.
- Головнёв А.В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45.
- Головнёв А.В. Слитное пространство-время в движении кочевников Арктики // Мобильность и миграции: концепции, методы, результаты. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 7–19.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В. Новая модель формирования человека современного физического вида // Вестник РАН. 2012. Т. 82, № 3. С. 202–211.
- Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977.
- Книга Марко Поло. М.: Изд-во географ. лит., 1956.
- Кычанов Е.И. Властители Азии. М.: Восточ. лит., 2004.
- Лебедев В.В., Симченко Ю.Б. Ачайваямская весна. М.: Мысль, 1983.
- Нефёдкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Сокровенное сказание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Минск: Харвест, 2004.
- Bramble D.M., Lieberman D.E. Endurance running and the evolution of Homo // Nature. 2004. № 432. P. 345–352.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996.
- Cresswell T. On the Move: Mobility in the Modern Western World. N.Y.: Routledge, 2006.
- Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 1987.
- Duffy E. The Speed handbook: Velocity, pleasure, modernism. Durham & London: Duke Univ. Press, 2009.
- Gates B. Business @ The Speed of Thought. Harlow: Penguin Books, 2001.
- Harvey D. The Condition of Postmodernity. Oxford: Blackwell, 1989.
- Hunt L. Measuring time, making history. Central European Univ. Press, 2008.
- Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester and New York: Wiley, 1997.
- Skeggs B. Class, Self, Culture. London: Routledge, 2004.
- Thrift N. Inhuman Geographies: Landscapes of Speed, Light and Power // Writing the Rural: Five Cultural Geographies / ed. by Paul Cloke. London: Paul Chapman, 1994. P. 191–250.
- Toffler A. Future Shock. New York: Random House, 1970.
- Virilio P. Speed and politics: An essay on dromology. Los Angeles: Semiotext(e), 2006.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2020 г.

Golovnev Andrei V.

SPEED IN THE ANTHROPOLOGY OF MOVEMENT*

DOI: 10.17223/2312461X/28/4

Abstract. Speed is capable of transforming phenomena and creating new ones. Under the influence of speed, or rather a range of different speeds, things, communities, space, time, as well as their functions and relationships are transformed. The article illustrates this through examples dating back to ancient times (including the emergence of mobility and the cult of speed becoming globalized), which turned out to be recurrent, yet making us think about this all as innovation. Speed, or rather a range of velocities, determines ethnic identity of different communities, as can be seen in the case of steppe and tundra nomads. The main coordinates of speed, space and time, did not always correspond to their characteristics in classical physics, that is, objectivity and independence from each other and from the observer. The nomad

mentality (and probably that of ancient *homo mobilis*) reveals a model of space and time fused and subjective. The general theory of relativity is based on comparable principles. The most recent incarnation of *spacetime* has become the cyber world. A significant role in the ancient matrix's revival was played by the cinema, which developed technologies for compressing time and space—the screen-time differs from the real one in that it allows to squeeze years and centuries into minutes, and the same can be done with space. In the online reality, the speed of messages, reactions, decisions and actions differs from that in the offline one. Cyber speed allows us to reduce gigantic spaces and time arrays to moments, while speed itself escapes the limits of human sensations and control. We feel it only through the tension along the WWW's "lines of force" and through the temperature of its "heating nodes".

Keywords: speed, anthropology of movement, mobility, *homo mobilis*, nomads, cyber world

* The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF), project No. 18-78-10077, titled 'Virtual ethnicity and cyberethnography: novelty and tradition' (Principal Investigator S.Yu. Belorussova).

References

- Bogoraz V.G. *Material'naia kul'tura chukchei* [The material culture of the Chukchi]. Moscow: Nauka, 1991.
- Braudel F. *Material'naia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2. Igry obmena* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle. Vol. 2. Les jeux de l'échange]. Moscow: Progress, 1988.
- Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [La sens pratique]. St. Petersburg: Aleteiia, 2001.
- Golovnev A. V. *Istoriia on-line* [History on-line]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2012, no. 4 (37), pp. 129–139.
- Golovnev A.V. *Kochevniki Arktiki: iskusstvo dvizheniia* [Arctic nomads: The art of movement]. *Etnografiia*, 2018, no. 2, pp. 6–45.
- Golovnev A.V. *Slitnoe prostranstvo-vremia v dvizhenii kochevnikov Arktiki* [Fused spacetime and the movement of Arctic nomads]. In: *Mobil'nost' i migratsii: kontseptsii, metody, rezul'taty* [Mobility and migrations: concepts, methods, and results]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2019, pp. 7–19.
- Derevianko A.P., Shun'kov M.V. *Novaia model' formirovaniia cheloveka sovremennogo fizicheskogo vida* [A new model of anatomically modern humans' development]. *Vestnik RAN*, 2012, Vol. 82, no. 3, pp. 202–211.
- Clark J.D. *Doistoricheskaiia Afrika* [Pre-historic Africa]. Moscow: Nauka, 1977.
- Kniga Marko Polo* [Marco Polo's book]. Moscow: Izd-vo geograficheskoi literatury, 1956.
- Kychanov E.I. *Vlastiteli Azii* [The rulers of Asia]. M.: Vostochnaia literatura, 2004.
- Lebedev V.V., Simchenko Iu.B. *Achaivaiaiskaia vesna* [The Achaivaia spring]. Moscow: Mysl', 1983.
- Nefedkin A.K. *Voennoe delo chukchei (seredina XVII – nachalo XX v.)* [The Chukchi warfare from the middle of the 17th to the early 20th century]. St. Petersburg: «Peterburgskoe vostoковедение», 2003.
- Sokrovennoe skazanie* [The secret history of the Mongols]. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941.
- Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Moscow: Praxis, 2012.
- Jung C.G. *Dusha i mif. Shest' arkhетипов* [Soul and myth. Six archetypes]. Minsk: Kharvest, 2004.
- Bramble D. M., Lieberman D. E. *Endurance running and the evolution of Homo*, *Nature*, 2004, no. 432, pp. 345–352.
- Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell. 1996.
- Cresswell T. *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. New York: Routledge, 2006.

- Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1987.
- Duffy E. *The Speed handbook: Velocity, pleasure, modernism*. Durham & London: Duke Univ. Press, 2009.
- Gates B. *Business @ The Speed of Thought*. Harlow: Penguin Books, 2001.
- Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell, 1989.
- Hunt L. *Measuring time, making history*. Central European Univ. Press, 2008.
- Makimoto T., Manners D. *Digital Nomad*. Chichester and New York: Wiley, 1997.
- Skeggs B. *Class, Self, Culture*. London: Routledge, 2004.
- Thrift N. Inhuman Geographies: Landscapes of Speed, Light and Power. In: *Writing the Rural: Five Cultural Geographies*. Ed. Paul Cloke. London: Paul Chapman, 1994, pp. 191–250.
- Toffler A. *Future Shock*. New York: Random House, 1970.
- Virilio P. *Speed and Politics: An Essay on Dromology*. Los Angeles: Semiotext(e), 2006.